

18+

Виктория
Кадатских

НЕДОЛЮБЛЕННОСТЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Виктория Кадатских

Недолюбленность

<https://litres.ru/68433176>

SelfPub; 2026

Аннотация

Наверное, у каждой есть особенный бывший, память о котором прорастает ядовитыми цветами под кожей.

Для Варвары им оказался Давид — талантливый гитарист с коллекцией психологических травм, способных конкурировать разве что с ее собственными загонами. Когда-то он писал ей вычурные письма на электронную почту, теперь пишет она: бессвязно, матерно, в стол.

Меж тем бедняжку взял в оборот психоаналитик Платон, страшно заинтересованный в исцелении наивной овечки, что по неопытности заблудилась в собственных иллюзиях.

«Недолюбленность» — история о дефицитах и детских ранках, отравляющем желании обладать, цене ошибок, а главное, решимости повторять их раз за разом.

Рефлексия, сны, секс и музыка.

Содержание

В чистилище снова дождь	4
Все началось с огоньков в Джеке-тыкве	11
Гефсиманский сад	24
Гуманизм и пиво	31
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Виктория Кадатских

Недолюбленность

Посвящается моему мужу, Даниле. Хочу, чтобы мы построили больше, чем разрушили.

В чистилище снова дождь

Дождевая вода разбавляет слезы на моем лице. Наверное, жалкая гримаса: поджатые губы, брови в драматическом изгибе. Эй, прохожий, пожалей меня, видишь — я плачу. Спроси, что со мной. Ныряю когда-то белыми кроссовками в вязкую грязь и почти падаю. Пара неуклюжих шагов. Ну вот, я в пятом трамвае.

Он трогается и везет меня в незнакомый спальный район. Вариантов нет. Это утро, как и два предыдущих, встретило меня истошным, звериным криком. Тогда, едва успев проснуться, я не сразу поняла, что источник — мой маленький рот. Кулаки разжаты, сердце — бас-бочка под натиском колотушки... еще немного, и оно совсем износится. Мне нужен кто-то рядом. Прямо сейчас, боги, сейчас, или будет поздно.

И вот я здесь. Рухнула на скрипучую сидушку и транслирую вселенское страдание. Все косятся, но не трогают. И

чудно. Если бы даже просто дежурно спросили: «Вы в порядке?», я была бы обречена разразиться новым витком душевиздающего рева.

Если верить гугл-картам, моя остановка. Грязь, пустошь, зеленые островки травы и снова грязь. Едва удержалась на скользком повороте. Спустя несколько сотен метров этой полосы препятствий мне открылась вереница безликих чело-вейников. Голубь курлыкает и гоняется за голубкой. Грустный дедушка сидит на скамейке на детской площадке. Небо, серое и мертвое, напоминает о сельском кладбище, на которое меня возили в детстве. Готова поклясться — оно идентично.

Вижу искомую вывеску, сажусь рядом с ней и снова плачу. Слышала, многие делают это на сеансе у психотерапевта. Я особенная, как всегда. Начала заранее.

Мое время. Ментальный лекарь — худая и длинная женщина. Вот и все. Худая, длинная и белая, как моль. Без намека на человечность, знаете, такая вытянутая припыленная моль с аппликацией равнодушной улыбки. Ты садишься напротив в этот скрипящий диван из кожзама, перебираешь пальцами его потёртости, затихаешь и прикидываешь: «сожрет — не сожрет». Короче, потенциальная жилетка кажется мне сомнительной уже с порога, но предоплата внесена, так что беру себя в руки: я не миллионерша.

Весь отведенный нашей беседе час я успокаиваюсь, понимая, что ни один аргумент в пользу моей драмы психотера-

певта не трогает. Не жалеть «жертву» — вроде рабочая тактика, но даже в целом слов от нее я слышу гораздо меньше, чем отдаю рублей. Она просто кивает, советует принимать пенные ванны, баловать себя вкусной едой, завести дневник, заняться спортом и почаще мастурбировать. Тот же вердикт мог вынести эмпатичный бомж у соседней мусорки, разве нет? Еще и бесплатно.

Однако факт остается фактом: ко мне вернулось ощущение реальности. Острая боль, контролировать которую чуть сложнее, чем очень, остается на уровне сознания, хотя бы перестав сдавливать грудь зубами-ребрами.

Есть еще одно дело на сегодня: Родион Семеныч ждет кое-какую вещь, чтобы передать её человеку, который стал причиной моего расстройтва.

Добираюсь до точки назначения и открываю дверь торгового центра. Вдали, за островком ремонта техники, узнаю золотые кудри в хвосте, околореческий профиль и аккуратную бороду.

— Привет, — с наигранным детским задором протягиваю ключи, цель визита.

Я похожа на дворового мальчишку, надевшего не к месту элегантно длиннющее пальто.

— Привет, — забирает.

— Я обещала рассказать о психологе: никакого «вау»-эффекта, но я как минимум не плачу... видишь?

— А это удивительно?

— Ага, — улыбаюсь. — Последние три дня мое любимое занятие: плакать, будоражить соседей криками, глотать таблетки.

— Будешь кофе?

— Буду, — никакой скромности.

Заползаю внутрь островка, где еще недавно Родион реанимировал мой увлажнитель воздуха. И вот радушный хозяин приземляет у меня перед носом два небольших стаканчика.

— Его варят на песке, — начинает Родион Семеныч. — Турку постепенно погружают, чем глубже, тем выше температура песка.

— Занятно, никогда не слышала.

— Вот, — открывает в поисковике фото.

Киваю и моментально переключаюсь. Знаете, когда человек решает быть в драме, все вокруг — об одном. Я прокручиваю по циклу то, что выбило меня из равновесия, и ищу ответы. Что же все-таки произошло? Как я оказалась в этой точке? Возможно, пятой.

— Он ещё такой молодой пиздюк, — словно считав с меня эти вопросы, заключает Родион Семеныч. — Ну дает.

— Угу, — киваю.

Глоток-другой кофе. Родион паяет очередной прибор, слово за слово — мемы, музыка. Свинцовый ком в груди постепенно рассасывается, я говорю, что, кажется, наконец захотела жить. Захотела жить и вспомнила: я не ела два дня.

— Пойдем в столовку, перекусим, — предлагает мой куд-

рявый спаситель. — Я вывешу табличку перерыва — работа подождет.

Пюре, мясо, компот в крошечной бутылке с плавающими ягодками — вкусно. Нет, не потому, что за два дня голода все становится вкусным, нет. В приятной компании еда обретает сакральный смысл, но даже минуя этот факт, стряпня в забегаловке — что надо. Жизнь все-таки течет дальше, появляются свежие впечатления. Да, огромная дыра, траур по моему невероятному прошлому, стала чуть меньше, впустив в свои объятия тушеную куриную грудку и доброту Родиона Семеныча. Может быть, свою лепту внесла даже женщина-моль.

Прощаюсь и выхожу на залитую солнцем улицу. Дождь не переставал с момента, когда я схватила того человека за грудки и выкрикивала ругательства в хаотичном порядке. Ливень хлынул на наши головы, как в дешевой мелодраме. Тогда я еще не верила в конец истории и выгрызала последний шанс на рестарт. Жаль. Сломала зубы о чужую волю.

Меня ослепляет яркий желток солнца и пестрые одежды случайных прохожих. Мир жил, живет и будет жить своей жизнью вне зависимости от количества разбитых сердец, его населяющих. И пусть счастье меня покинуло, я сохранила наблюдательность, удовольствие от созерцания простых вещей.

Значит, мы были здесь не зря.

Запись 1

Жаль, что новым блокнотом нельзя обнулить память. Ибо то, что происходит сейчас в моей жизни, — свято.

Хочу беречь это здесь, на бумаге. Хранить и приумножать с каждой исписанной страничкой. Сделать все, чтобы доподлинно проживать каждую секунду в этой почти болезненной эйфории.

Я научилась осязать счастье.

Могу гладить его волосы, целовать по утрам, дышать им.

Я впервые полюбила мужчину.

Полюбила так, что сердце замирает, когда я думаю, что наше общее существование под одним небом может иметь конец.

Я до немощности счастлива.

Кстати, думаю, эти записки смогут пригодиться нам двоим.

Как хронология сказки, которую хочется фиксировать, дабы не потерять связь с реальностью. Чтобы ты мог посмотреть на все моими глазами и... может быть, однажды, если мы столкнемся с тяжелыми временами, помог спасти и удержать это чудо.

Знаешь, если мое имя перестанет звучать гулким эхом в твоём сознании, я хочу, чтобы оголтелый

*торнадо превратил весь этот мир в обезличенное
месиво, ибо, если в нем когда-либо было что-то
настоящее, оно носило имя нашей любви.*

Твоя В.

Все началось с огоньков в Джеке-тыкве

Я помню тот день, словно это случилось со мной вчера: ветер шипел трескучими помехами, на детской площадке крутилась золоченая вертушка, грязно-синее небо — далекое и очевидное, — служило фоном для огромного лунного шара — бесполезно-красивого. Хотя может ли вообще быть какая-то польза от красоты? Она создана искушать и ранить нас, будить самые низменные порывы. Изводить нас бессильным желанием завладеть ею и удержать, присвоить и присоединить. Еще помню острые камушки под кедами, парочку жёлтых фонарей и душок дорогой, но не очень вкусной, пирожочной.

Я шла на репетицию музыкальной группы своего нового знакомого. Он вызвался помочь с ремонтом увлажнителя воздуха, который не пережил внезапное столкновение с полом. Несла этому знакомому приобретенные на небезызвестном китайском сайте детали, чтобы уже через пару дней забрать свой агрегат, напичкать ароматическими маслами и тем самым сделать жизнь чуть менее паршивой, наверное...

Родион Семеныч — владелец школы рока, в которой я выиграла абонемент на занятия барабанами. Знаете людей, которые от балды репостят разные розыгрыши и никогда не

выигрывают? Ну вот, иногда все-таки выигрывают. Помню, страшно удивилась его фамильярной манере письма в соц-сетях: «Мол, эй, ждем тебя, но не очень!» Профиль, кстати, пестрил забавными фотографиями, например, в клоунском наряде, с рукой, ерзающей в собственных трусах. Так что я прониклась симпатией.

В тот день на трамвайной остановке я стояла на пороге новой жизни. Номинально, конечно, никакой не новой, но это выражение такое родное, пусть даже и заезженное до пошлого. Короче, что-то внутри екало, крутило и рвалось вперед.

Был Хэллоуин, кстати. Хотя я больше люблю дохристианское Самайн. День, когда заканчивается один цикл и начинается новый, старое умирает, освобождая пространство для нового, мертвые шлют последний воздушный поцелуй живым, а боги дарят шанс этим самым живым похоронить какую-то часть себя. Часть гнилую и ветхую, но все еще близкую из-за воспоминаний, где она исправно функционирует.

Ах, отвлеклась. Так вот, Хэллоуин. Я поняла это, когда вошла во внутренний дворик, где располагалась музыкальная школа. Там уютилась еще и квест-комната, и в тот вечер там принимали гостей на тематической вечеринке. У входа были хаотично разбросаны светильники-тыквы. В окнах виднелись изрядно пьяные и в той же пропорции счастливые люди. Я замерла у вереницы оранжевых Джеков, смотрела на чужое веселье и чувствовала какую-то особенную мечтательность в своем одиночестве. Праздник, в который я чувствую

свою уместность миру: словно идеально скроенное платье, мне впору процесс умирания.

Дальше рукопожатие Родиона, оббитая акустическим паролоном комната, живая музыка и задорные кожаные чело-веки, играющие ее. Я сидела на полу в позе лотоса и пони-мала, что светлая меланхолия вновь уступает место истерике: «Чем я занималась два года? Почему нашла возможным себя так растоптать? Что я теперь такое после всего?»

На секунду мне показалось, что по щелчку я могу все изменить. Точно! Выкинуть свои мертворожденные отноше-ния с человеком, которого не люблю, бросить тошнотворную работу, вернуться в музыку... Не проживать фантомные боли по ампутированному чувству собственного достоинства, а пришить его обратно, как лапку плюшевому медведю. Я же так люблю собирать и чинить поломанные игрушки. И ведь получается! Чем я сама хуже?

Но это было так мимолетно... как и все озарения в моей жизни. Вспыхнуло! А я его обратно — птыщ. Было бы здо-рово восстать как феникс, но да, делать для этого я ничего не буду.

И вот я уже снова лечу в поезде «жизнь» маршрутом невозвратным и матерным, стирая маленькое видение о ре-альности, которой я могла бы принадлежать, если бы была чуточку умнее и проворнее. Если бы...

Но, кажется, внутри я все еще глупый, шумный, мерзкий ребенок, от которого крошится зубная эмаль и трясет под-

жилки. Засасывающий все вокруг дефицит любви... Пожалуйста, покажите мне, что я нужен! Я погибну без принятия!

А потом пубертат, безответные влюбленности, недоступные холодные мальчики и вот... мальчик доступный, которого я никогда не полюблю, даже если очень постараюсь. А я ведь постараюсь, конечно же я постараюсь. И его существование рядом станет очередным гвоздем в гроб моей так и не успевшей начаться жизни. Меня выбрали, а я не смогла сказать «нет». Эта связь, качество которой можно оценить уже по одному предыдущему предложению, началась со страха одиночества и им продолжилась. Я ненавижу лгать, но делала это почти два года. Я ненавижу лжецов, но делила с одним из них постель все это время. Как так случилось?

«Я нравлюсь тебе? Ты мне нет, вообще нет, даже со скидкой. Но если мы все-таки встретились, могу я рассказать о своем одиночестве? Да? Отлично. Как я влюблена в того, кто никогда не переступит мой порог, даже если пригласить, и как до сих пор помню сухость большой ладони, аккуратно обхватившей мои дрожащие пальцы в нашу единственную встречу. Я расскажу, как два года писала о нем грустные стихи, которые никогда не смогла бы посвятить мальчишке вроде тебя. Я буду истошно плакать, сидя на твоих коленях, говоря о своей любви к другому мужчине. Робко надеясь, что после этого ты оставишь свои попытки заполучить меня. Но тебе, конечно же, будет плевать: ты слишком глуп и самоуверен. А может, просто не нуждаешься в моей любви, только

в покорном присутствии. Что же, это я смогу тебе дать, но только пока часы не пробьют полночь... Потом у меня будет два пути: сбежать или умереть»

В конечном итоге, красочных воспоминаний останется тоже ровно два: наше первое свидание, вязкий от неловкости воздух, мысли: «с какой стороны ни посмотри... не мое». И костер из всех вещей, хоть как-то связанных с нашими отношениями, желание отмыться и снять старую кожу.

Но это чуть позже.

Пока огни Самайна, желание закончить все, хоть веревкой на шее, но закончить.

И приближающаяся полночь.

— О, китаец сейчас придет! — крик Родиона разбавил поток моих мрачных мыслей.

Дверь радушно распахнулась, и в комнату вбежал длинноволосый парень с гитарой в чехле. Не сказать, что он напомнил мне китайца, пусть даже некая азиатская утонченность явно прослеживалась.

— О, — заметив меня, удивился вошедший. — Теперь буду меньше материться... Давид! — он протянул мне руку.

— Варвара, — бегло выкрикнула я, пытаюсь сымитировать непринужденность.

Во мне сразу родился какой-то неподвластный разуму интерес к этому человеку. Несмотря на показушную легкость, его образ был пропитан щемящим трагизмом. Так, когда ты видишь в фильме чертовски привлекательного персонажа,

но заранее понимаешь, что он появился, например, с целью красиво погибнуть ближе к финалу... Заставить фанатов вытягивать рейтинг киноленты артами и фанфиками, где герой все-таки получит свой счастливый конец.

Есть такой тип людей. Они безнадежно прекрасны в своей драме, словно мраморные ангелы на могилах. И есть такой тип... Женщин. Которые хлюпают писями, стоит заметить на горизонте Эдварда Каллена местного разлива. Вау, кажется, он выебет не только меня, но и мою психику... Заверните без промедлений, пожалуйста.

С приходом Давида зазвучала совсем другая музыка. Все тот же метал, но филигранно выверенный, мелодичный и даже... чувственный? О, как любопытно было ловить забавные гримасы, когда он оступался. Нет, Давид отлично владел гитарой. Я бы даже сказала... овладевал. Это взаимодействие выглядело слишком сексуально. Но любая мелкая пометка отражалась злой маской на его красивом, чего скрывать, лице. Такая строгость к себе — почти проклятье, я знаю, о чем говорю. Но, буду откровенна, это только подогрело мой и без того пылающий интерес.

Спустя какое-то время все вышли на улицу покурить. Я покорным хвостиком поплелась за Родионом, потому что он по-отечески окружил меня заботой и дал понять — давай под крыло, тут безопасно. Но после небольшой беседы о складных ножах и вокале Вилле Вало я вернулась в помещение, где, как оказалось, продолжал заниматься Давид —

такой холодный, непомерно грустный Кай, утонченный, почти сублильный. «Смотри, я не такой, как все, меня волнует только музыка...» Его локоны цвета горького шоколада время от времени падали на лицо, когда он подавался корпусом к гитаре. Хм, заметил меня. Карие глаза по-кошачьи сверкнули:

— Тебе хоть нравится то, что здесь происходит?

Я смутилась и не нашла ничего лучше высокомерия:

— Если бы не нравилось, давно бы ушла.

Он изогнул губы в чертовски привлекательной улыбке, оголив зубы, и пару аккуратных клыков в их ряду. Еще одна деталь к драматичности образа. Такой Лестат из экранизации «Королевы проклятых». Давид мог обойтись без костюма в канун Дня Всех Святых — некоторым не нужно наряжаться, чтобы прослыть нечистой в самом потрясающем из смыслов.

Перешагнуло давно за полночь. Родион властно объявил, что все должны пойти с ним за шаурмой. Но... все? Он явно переоценил величину своего влияния, в это удивительное гастрономическое приключение пустились только я и Давид. Как два верных пса эксцентричного господина.

Улицы удручали изобилием нетрезвого контингента. Крики, ругань и блевотина... Русский Хэллоуин? Лучше бы клянчили конфеты. Я боялась вставлять даже короткие реплики в оживленную беседу ребят, опасалась показаться глупее, чем есть и произвести неправильное впечатление. Мне

очень хотелось стать «своей», понравиться им... Поэтому я притворилась деревом, изящным, но молчаливым — только шуршала волосами, словно листвой.

Пока парни заказывали еду, мой выбор пал на крепкий кофе. Не помню — я желала показать, что принцессы не едят, или действительно лишилась аппетита от волнения. Давид задержался в ожидании конвертика с картошкой фри, а мы с Родионом Семенычем и его шаурмой шагнули на улицу. Тогда я собрала всю свою и без того скудную волю в кулак и ткнула пальцем в небо:

— Такое необычное! Розовое.

Родион в недоумении пожал плечами:

— Как всегда в этом городе.

После такого фидбека я поняла, что абстрактный разговор о вечном не пойдет. Поэтому из последних сил перевела тему на нечто, как мне казалось, беспроегрышное — музыку. В этот момент уже вернулся Давид. Он по обыкновению копался где-то глубоко в себе, и мой манифест о возможном поиске гитариста для своего творчества прошляпил. Родион пнул его в бок, как бы намекая, но Давид только сконфуженно извинился и переспросил.

Не знаю, что произошло с ним сразу после этого, но на обратном пути мы уже не могли оторваться друг от друга. Не сказать, что мы не спотыкались в разговоре — мы делали это на каждом шагу. Этот мрачный принц не мог оказаться простым собеседником, кто-то простой не мог заинтере-

совать меня так, как вышло у Давида. Ему нужно было все уточнять и оспаривать, добираться до самой сути и получать тонны ремарок. Душнила — скажете вы, тотально мой типаж — кивну вам я. Нет, есть омерзительные псевдоинтеллектуалы и спорщики, которые порвут свою прыщавую задницу, лишь бы не признать правоту оппонента. Это не о Давиде. Он просто очаровательно дотошный и, если ты найдешь нужные слова, капитулирует с достоинством. «Какой ты сложный...» — цедила я сквозь зубы, но продолжала упиваться нашими сладкими интеллектуальными войнами.

Что в этот момент делал Родион Семеныч? Не помню, вероятно, пялился в обычное розовое небо или считал плитку под ногами.

Я вернулась домой в районе трех. Абсолютно счастливая. Ровно до момента, пока не переступила порог квартиры.

* * *

Следующая встреча с загадочным гитаристом произошла примерно через неделю. До этого я, конечно, тайно мониторила его скудные соцсети, но ничего интересного, кроме безукоризненно подходящей мне фамилии, не узнала. Я бы назвала свою рок-группу этой фамилией, стань она нашей общей. Настолько мне по душе пришлись эти буквы.

Я спешила к барабанной установке на очередной трофейный урок. С волосами в двух инопланетных гульках и оран-

жевом оверсайз свитере на юном теле. Это так, чтобы однажды не забыть, что оно было юным... А то как-то несправедливо! Вписывая в вечность каждую черту Давида, я упустила то, что являюсь невероятной красоты и стати зеленоглазой брюнеткой с аппетитной задницей.

Бешеной фурией я занесла эту самую задницу во двор школы рока, не придав и малейшего значения проходящему мимо силуэту.

А вот силуэт, напротив, поспешил окликнуть меня:

— Варвара, правильно?

Я резко забуксовала и развернулась. Это был Давид. Мы символически стукнулись кулачками, прежде чем я, маскируя дрожь, разрешила себе побежать дальше. Это выглядело почти кинематографично: все эти тени, ветки, фонари и мы... Как метафора того, что люди сталкиваются на своих жизненных тропинках, пересекаются, взаимодействуют... а потом неизбежно прощаются. Между тем под оранжевым свитером порхали предательские бабочки: он запомнил мое имя!

Внутри школы уже ждал Александр — педагог по ударным. Не отнять, чудесный человек. После урока мы с ним, как обычно, разболтались о сути человеческих отношений, личностном росте... Об одиночестве. О том, как одно следует за другим.

— Хочу перекурить, продолжим разговор на улице? — предложил мой ритм-гуру.

Я охотно согласилась: в глазах уже рябило от пирамидок акустического поролона музыкального класса.

К нашему удивлению, еще час назад пустующий двор стал пристанищем для огромной компании. Парни, включая подросшего Родиона Семеныча, развели костер и даже что-то там жарили. Я сразу заметила мрачную тень — Давид с полупустой бутылкой пива. Думала, он ушел, когда мы столкнулись. Хотя... выглядел так, будто все-таки ушел, просто забыл свое тело: болезненное, тревожное, подавленное. Он словно хотел что-то сделать, но тормозил себя, за это же мгновенно осуждал и наказывал. Через пару минут такой внутренней борьбы Давид выцепил мой взгляд и не к месту серьезно, даже как-то официально озвучил предложение присесть ближе к огню.

Согласившись, я сразу поймала себя на том, как приятно просто быть здесь. В безопасности, на свободе, когда никто ничего от тебя не требует. Просто быть красивой, как танцующие языки пламени, поправлять волосы и приглаживать тяжелый шарф кончиками пальцев. Я хотела бы вообразить себя героиней викторианского романа, за внимание которой борются достойные джентльмены, но в окружающей обстановке царил какой-то совсем другой шарм. Словно мы советская молодежь на берегу реки, поем запрещенные песни и прыгаем через костер, пока где-то вдалеке потрескивают сверчки и шепчутся лешие.

Но как бы ни пылал изнутри мой детский восторг от пер-

вого соприкосновения с настоящей жизнью, в тот вечер я страшно замерзла. Мне не хотелось идти домой в одиночестве, я знала: и Родион, и Давид живут в паре шагов от моей квартиры. Хотелось дождаться их, несмотря ни на что дождаться. Я слишком долго была одна и хотела растянуть каждый момент этого вечера. Я мечтательно потянула руки к огню, Давид сразу отзеркалил это движение и заговорил:

— Слушай, уже второй раз хочу спросить: что ты здесь делаешь? Создается впечатление, будто кого-то ждешь.

Пожала плечами:

— Я просто развлекаюсь.

Давид как-то горько усмехнулся и продолжил смотреть на наши руки у огня.

Вскоре мы разошлись по домам.

Сказка закончилась.

Мой выстрадавший сожитель с порога начал ворчать о том, что у меня слишком слабое здоровье, чтобы шлаться по такой погоде... Если задуматься, звучит паршиво, да? Он заботится, а я как драная кошка шатаюсь черт знает где с новоиспеченными друзьями, к некоторым из которых едва могу скрыть влечение. И что самое порицаемое, совсем этого не стыжусь. Но если вспомнить, когда именно мое «слабое здоровье» пошло по наклонной, я получу шанс оправдаться. Этот парень слишком долго воспринимал любой мой успех как личную угрозу, корежился и топил, и я, увы, совсем не цеплялась за жизнь. И вот итог: измученная, с раздутыми

лимфоузлами, хроническими головными болями и бесчисленными паническими атаками, о которых я раньше читала только в книгах. И весь этот анамнез никого не волновал, пока не появились «друзья». Когда мои родные однажды спросили горе-сожителя, почему я стала похожа на бледную тень самой себя, он в недоумении пожал плечами и сказал, что у меня все хорошо.

Но сейчас все это прошлое казалось лишь паршивым сном, от которого я вот-вот проснусь, нужно только набраться сил или попросить о помощи.

Я схватилась за надежду, что если решусь уйти, кто-то поддержит меня.

На следующий день мне пришло сообщение. Сообщение от профиля, который я мониторила все это время:

«Вчера я так хотел поближе с тобой познакомиться, но к своему сожалению, обнаружил, что ты уже вела какую-то развернутую беседу с Александром. Не хотел вмешиваться, а потом слишком глубоко ушел в свои мысли. Но утром понял: нет, я не хочу оставить это как есть, мне действительно интересно пообщаться с тобой. А главное, у меня по какой-то причине сложилось впечатление, что это чувство может быть взаимным... Кстати, у тебя волосы все еще пахнут костром?»

Мы договорились встретиться.

Гефсиманский сад

О предстоящей встрече я думала до безобразия много. Я даже постесняюсь спросить себя: думала ли я вообще о чем-то кроме этого? Да, операция «предварительная паника» не могла провалиться, только не у такого искусного исполнителя. Меня атаковали вопросы: «Что мне следует ожидать? Какие мотивы преследовать? Точно ли он мой соулмейт? Если нет, стоит ли вообще выходить из дома?»

Ох, для такого заржавевшего социофоба каждое новое знакомство — стресс. Особенно если я по какой-то причине возлагаю на него слишком много надежд. Мои надежды имеют свойство рушиться, подобно карточному домику, даже от самого легкого сквозняка.

А человек, с которым эта встреча предстояла, вообще казался кем-то оторванным от реальности. Как пестрая журнальная вырезка, вклеенная в серые улицы миллионника. В обществе принято называть подобные ощущения бабочками в животе, но я уже использовала этот образ в прошлой главе, поэтому сейчас предпочту упомянуть бурление клопов, которые снуют под кожей. Будто рядом с каждым кусочком сыра непременно разместилась мышеловка...

Мы договорились встретиться в тихом баре на центральной улице. Робкое приветствие. Столик у окна. Кислый сидр. Желтые стены и ненавязчивый фанк. Нервные взгляды, пот-

ные ладони, учащенное дыхание... Полный набор «первого свидания». Правда, у меня все еще есть парень, да. Незадача.

— Вот блин, а я волнуюсь... — Давид неловко улыбнулся и уронил руку на стол так, что она практически коснулась моей.

Я смутилась и опустила глаза.

Расслабь собеседника, показав, что переживаешь сильнее, чем он. Продуманный пикап-прием? Или я просто не в состоянии поверить, что тот, кто мне действительно интересен, может тоже смущаться в моем присутствии?

Я терялась. В свои двадцать два терялась, как мелкая школьница перед самым популярным старшеклассником.

Давид был чертовски хорош. Каждая линия с характером: челюсть, скулы, нос — словно выточены из камня. Облегающая черная водолазка, волосы в хвосте и... этот обезоруживающий взгляд хищника. «Я так волнуюсь!» — а сам смотрит, будто ты безапелляционно кончишь вечер в его постели. Или это игра гормонов? Сексуальность сказала «гудбай» в момент, когда я встретилась с тем, чье имя решила не называть. Из девушки, хотя бы раз в пару дней заглядывающей в собственные трусики, я превратилась в старуху, не улавливающую смысл всей этой половой суеты. И единственный вывод, который якобы напросился сам собой — не моё. Секс — это не мое. Окажись на месте бедолаги бывшего (очевидный спойлер, да?) какой-то кучерявый фронтмэн из моих фантазий, результат был бы тот же. Ну, по крайней мере, я изо всех

сил пыталась спасти себя этими мыслями, пыталась убедить себя в том, что мое положение не могло быть другим. Так какого черта я теперь сижу и внаглую пожираю глазами едва знакомого парня? Что в нем так стимулировало моё померкшее либидо?

Но потом стеснение и трепет уступили место безоговорочному комфорту. Мы с Давидом с головой ушли в одну из самых теплых бесед, которые со мной когда-либо случались. Никогда я не чувствовала себя так уместно: ни в семье, ни среди друзей. Мы говорили о музыке, нашем месте в ней, жизненных принципах, планах, целях. Уже через час мне казалось, что мы знакомы чуть дольше, чем вечность...

Может, мы цедили медовуху в тавернах города, чье название не вспомнит даже самый искушенный историк? Может, сталкивались на балах Викторианской Англии, где он, в сюртуке и с тростью, целовал мою руку, предлагая сбежать в розовый сад для приватной беседы? А может, дело было не в Англии, сад вовсе не розовый, а поцелуй... Радуйся, Равви!

Мне хотелось прошептать через полоумную улыбку не закономерное: «Как же я рада нашему знакомству». Нет! «Я так скучала» — подходит больше. Какое-то утомительное, фоновое ощущение нехватки, поиска чего-то абстрактно-ценного в неизвестности... отпало. Нашла! Мне следовало заменить накатившую эйфорию настороженностью? Вот это медовое чувство в духе «он мой соулме-е-ейт» ведь может говорить о том, что ты мог смачно обосраться в прошлой

жизни, а это чудо перед самым носом — всадник апокалипсиса, решивший, что пришло время реванша: твоя голова не слишком красиво сидит на плечах.

Но нет, я уже решила, напомним, в первые часы первой встречи тет-а-тет, что это судьба-матушка сплела нас ниточками, мы пришли в этот мир с одной высшей целью — обрести друг друга. Вы понимаете, откуда все мои проблемы? Я романтик! Скажу «романтик», ведь тогда я еще не знала, что у меня пограничное расстройство личности.

Однако подорвал остатки здравого смысла в моей уже не первую минуту кипящей голове следующий эпизод: я поделилась, что уже два дня как учусь в школе мюзикла. Ничего себе поворот, да, читатель? Забитая мышка только-только высунулась из норки и пошла во все тяжкие — исполнять все залежавшиеся годами мечты. Ощущение принятия в школе рока дало мне силы претендовать на большее. Я рассказала Давиду, что пределом моих вокальных мечтаний является исполнение «Гефсиманского сада» из рок-оперы «Иисус Христос — суперзвезда». Так уж вышло, что никто из ближайшего окружения ни о песне, ни о мюзикле не знает, но я так долго молчала обо всем, что мне на самом деле важно, что хотела высказаться даже без надежды на ответ.

Давид ухмыльнулся и начал аккуратно напевать:

— I only want to say... if there is a way... Эта?

О, как мало надо, чтобы Варе потребовались санитары! Широте моей улыбки мог позавидовать и Джокер, и Гуин-

ПЛЕН. Я запихнула в карман телефон, извинилась и, слегка пошатываясь, убежала в туалет. Нет, не мастурбировать, как пошутила бы любая моя приятельница, просто побыть наедине с собой и заземлиться, пока не натворила глупостей в духе: «ДАВАЙ РОДИМ ПЯТЕРЫХ».

В зеркале уборной отражалась какая-то совсем другая девушка. Вроде имеющая со мной общие черты, но преобразившаяся до неузнаваемости в своем безбашенном счастье. Стоит отдать должное, я никогда не видела ее настолько красивой. В нее нельзя было не влюбиться.

В какой-то блаженной агонии я натыкала в мессенджере пару строк маме:

«В своей голове я уже трахнула его несколько раз».

Та поспешила ответить:

«Хорошо, что только в голове»

Я еще раз посмотрела в зеркало: сделала глубокий вдох и обещала себе отдаваться нашему резонансу без резких движений.

О ситуации в своей личной жизни я рассказала без прикрас: как я там оказалась и почему мне страшно или скорее стыдно уйти. Давид заметно помрачнел и поделился, что сам полгода назад похоронил яркие, но деструктивные отношения. Общий быт, его неопытность и непреодолимое желание девушки замкнуть на себе весь его мир...

— Я начал чувствовать вину за то, что в определенный

момент больше интересуюсь гитарой, чем своей девушкой. Что я могу провалиться в деятельность и забыться. Забыть, что она в комнате и чего-то ждет от меня все это время...

Что ж, стоит отдать должное, Давид не сказал о ней ничего дурного. В наше время человек, который не поносит бывших на первом свидании, — вымирающий экземпляр. Мой первый парень, например, на первом свидании в красках грязно прошелся по каждой. Правда есть сомнение, что они вообще были реальными женщинами, ведь чуть позже я обнаружила, что тот патологический лжец. А я вот, например, чтобы разнести своих бывших, накатала целую книжку.

Интересно: если бы время текло нелинейно, существовала машина времени или был любой другой способ передать информацию в прошлое... Я бы хотела снести дверь бара и схватить себя за щеки со словами: «Пожалуйста, не думай, что она — тупая сука, а с тобой всё будет по-другому» — или никакая информация не оказалась бы достаточной, чтобы я отказалась от Давида?

Даже зная, во что это выльется, я бы сотню раз выбрала его. Увидев себя в скрюченной позе на ледяном кафеле, ревущую в телефон от понимания, что голос человека на том конце не дрогнет, я не хотела бы ничего изменить. Судьба, карма, чувства, стоящие такой боли?

Давид предложил сменить обстановку — пойти в школу рока, где он сыграет для меня на гитаре. По чистой случайности там никто не зависал, абсолютно неожиданно его изящ-

ный Ibanez был оставлен в репетиционной, никто не планировал растягивать наше свидание на... вот уже пять—шесть часов? Нас связала музыка, ей наматывать и все последующие узелочки. Я согласилась и начала собираться, а он, как мне тогда показалось, ушел в уборную. Весь вечер вновь пролетел перед глазами. Точно не сплю? Я натянула пальто и стала медленно завязывать пояс, малахольно улыбаясь собственным мыслям, даже прикрыла лицо руками. Что это за чувство? Такое новое...

Я подняла глаза и увидела, что Давид стоит в метре от меня, широко улыбаясь.

— И давно ты здесь? — смутилась я.

Засмеялся:

— Достаточно.

Гуманизм и пиво

Переступаю с ноги на ногу, мнусь и боюсь сделать шаг, словно он может убить меня. Да, слишком много воспоминаний, трогать которые — заведомо рыть себе могилу. Один лишь вид школы рока разлагает меня. Когда я была здесь в последний раз? Стены помнят наши улыбки, смех, тот особенный вкусный воздух, кадры, на которых остались «мы», люди, отчаянно решившие, что весь мир был слеплен для их общих приключений. Эфир хранит вздохи, робкие поцелуи, секс в вокальной комнате, ладонь, грубо зажимающую рот: «Тише, моя девочка...»

Остановись, сотри, прекрати этот бесконечный поток! Счастливые воспоминания приносят в разы больше боли, когда ты понимаешь, что мертвое нельзя убить.

Все-таки захожу. С порога чертыхаюсь. По всем объективным причинам его никак не могло здесь быть: и все же он здесь — плоть, кровь и дух, едва ли святой, конечно. Платон. Близкий приятель Давида. Лежит весь такой вальяжный на диване, смотрит из-под изогнутых бровей и ехидно улыбается уголком рта. Судя по мнению большинства, он человек крайне беспринципный и аморальный, а судя по личному впечатлению, еще и как пить дать проницательный. Перед таким собеседником лучше сразу капитулировать: махнуть рукой и исчезнуть. Он без шансов тебя уделает.

— Привет.

— Привет.

Сажусь рядом. Молчим. Отворачиваю лицо в попытках скрыть намокшие глаза.

— Проблемы? — слышу снисхождение в голосе.

— Ты и так знаешь.

— Это не моё грязное белье.

Трет лоб и хмурится. Если бы черти существовали, то выглядели бы примерно так: смуглая кожа, зализанные назад темные волосы до плеч, фактурные брови и это едкое сожаление в глубоко посаженных карих глазах. Мол, я-то в своем познании преисполнился, а вы, людишки, все суетитесь, да?

— Есть два с половиной рубля?

Не понимаю, о чем он.

Вздыхает:

— Ладно, могу помочь, если угостишь пивом.

До меня доходит, что он предлагает свою консультацию. Платон — практикующий психоаналитик. «Кто не согласен с Фрейдом, плохо его читал» — так он, кажется, говорит. Забавно, жизнь как бы намекает, что без кудесников ментального ремесла причем в определенном количестве, я не справлюсь. Сначала «моль», теперь... Давай, возмись за мой невроз, Люцифер!

Ну, разве не прелесть? Я скажу: «Что делать? Люблю его!», а он ответит: «Все хуйня, девочка». И я попробую поверить. Если тебе разбили сердце, проще убедить себя, что

его и не было вовсе. Мы едва знакомы, но, думается, Платон — лучший человек для этих целей.

Продолжаю обороняться:

— Я подумаю.

— На открытый жест не отвечают «я подумаю».

— Извини, — ёжусь.

— Предложение актуально только сегодня до конца дня.

Качаю головой, параллельно пытаюсь не дать волю слезам.

В школу заходит Александр. Наконец-то уходим в класс. Ах да, я не сказала... Спустя столько времени я вновь в школе рока лишь с целью отработать свой последний бесплатный урок. Родион Семеныч, еще когда я заносила ключи, великодушно напомнил: несмотря на сгоревшие сроки абонемента, я имею такую возможность. Благотворительность — его второе имя. Первое — Родион Семеныч.

— Выглядишь не очень веселой, — между делом заключает Александр.

— Мне жаль, что я пропала на такой большой срок.

— Я все понимаю, Варь, — печально улыбается. — Когда вступаешь в новые отношения, они захватывают тебя с головой. Выше нос и давай вспомним, что мы успели изучить...

На какой-то момент я даже смогла отвлечься. Установка, только я и «бум-бац». Но стоит Александру начать объяснять теорию, улетаю. Голос внутри, не мой, чей-то чужой, перебивая сам себя, повторяет как ненормальный: «Тебе нужен Платон, напиши ему».

Зуб даю, он был уверен, что я объявлюсь.

* * *

Встретились. Идем нога в ногу. Куда — не знаю. Платон ведет.

— Так чего вы, собственно, разбежались? — улыбается.
— Нет, я-то знаю, но мне интересно услышать твою версию.

Объясняю. Бессвязно. Использую больше вопросы, чем утверждения. Голос начинает дрожать, ком в горле, слезы...

— Разве можно говорить «ты — моё все», а потом безапелляционно уйти?

— Так, ну, — Платон брезгливо морщится. — Ты можешь разводить сырость, но дай знать, если тебя накроет, и ты перестанешь воспринимать то, что я говорю. Чтоб я не сотрясал воздух... окей?

— Ладно.

— Слушай, можем идти быстрее? Ага, хорошо. Ты знаешь, когда кто-то пиздит, однажды он просто устает и сливается. Давид выбрал такую форму взаимодействия с женщинами — разводит мыльную оперу. Я вот в своей жизни только два раза признавался в любви. Один раз — когда очень сильно уважал человека, второй — когда хотел, чтобы от меня отъебались. В любом случае я осуждаю попытки навешать макаронные изделия с целью кого-то привязать... И запомни главное: убки двигаются по своей траектории, по своим

законам. И это ты в них влетаешь, а не они в тебя. Если, условно, с тобой кто-то что-то делает без твоего ведома, ты — объект. А нам всем хочется быть субъектами.

Подходим к бару, оплачиваю алкоголь. Идем дальше.

— Давай ближе к делу, Варвара. Для ребенка удовольствие — материнская грудь, он жаждет ее и улыбается, как только источник наслаждения заходит в комнату... — тормозит. — Слушай, а когда у меня в руках напиток, ты вдруг перестала плестись и ускорила шаг, чтоб я подавился. Хорошо-хорошо. Ладно... Так вот. Ребенок уже все понимает. Но как бы он ни плакал, ни кричал, от него ничего не зависит. Это удовольствие не принадлежит ему. То, что он получает грудь от этих действий — просто совпадение. Нельзя строить счастье вокруг того, что тебе не принадлежит. Ты же понимаешь, что эта история на самом деле о тебе?

Молча смотрю под ноги. Я понимаю, но отвергаю всем своим естеством.

— А ты не самый активный собеседник, Варя.

Подходим к какому-то скверу и садимся на лавку. Уже глубокая ночь. Холодно, зябко, влажно.

— Что ты чувствуешь? Не «должна чувствовать», а чувствуешь.

— Я скучаю по нему.

— Она скучает по мальчику... Ладно, не буду выебываться! Давид и правда умеет «причленивать» людей. Он дарит очень много положительных эмоций. Он и меня причленил,

поэтому мы друзья.

Вот как? Пытаюсь скрыть злорадство. Давид всегда говорил, что не считает Платона другом. Теперь я ощущаю, что мы с психоаналитиком немного, совсем чуть-чуть, но в одной лодке... С тарелкой лапши на двоих.

— Помню... Естественно, это было очень давно. Но я тоже убивался по одной даме. Страшно убивался, буквально крышу рвало... Потом понял, что просто тянусь к чертам, которых мне самому не хватает. Развил их в себе и, представь, отпустило. Так оно и работает, без всякой высокопарной хуйни. Тянешься не к человеку, а набору характеристик.

Ловлю себя на ощущении, что неосознанно отмечаю часть истин, транслируемых Платоном. Воспринимаю его через призму слов Давида о... дефектности. Он часто упоминал, что Платон — человек другого мира, которому, вероятно, недоступны какие-то человеческие эмоции. И мы должны делать ему «скидки».

Вдалеке начинает маячить тучный мужской силуэт на костылях. Он тормозит в нескольких метрах от нас и начинает пялиться на луну.

— Кстати, я помню из нашей прошлой встречи, — Платон косится на силуэт, но делает вид, что в нем нет ничего примечательного. — Ты умеешь рисовать, да?

— Умею.

— Научишь? Мне всегда было любопытно попробовать...

— Хорошо, без... проблем, — запинаясь от удивления.

Платон скользит по мне ищущим взглядом и, словно сделав какие-то выводы, грустно улыбается:

— Собака всегда бежит за хозяином... Я же рискую выйти из этой ситуации с хуем во рту. Пусть там будет хотя бы карандаш.

Мою попытку осмыслить услышанное прерывает силуэт на костылях: этот псих подковылял почти в упор и заорал, все так же смотря на лунный шар, про белую женщину. Скажем так, многие знают это стихотворение Есенина. А если нет, краткий экскурс: лирический герой озвучивает потребность в представительнице прекрасного пола, чтобы прижать ее к дереву и склонить к проникновению в отверстие, которое для этого не предназначено.

Видимо, полнолуние провоцирует обострение у поклонников переоцененных поэтов Серебряного века. Ведомые каким-то аномальным импульсом, они выходят на улицы и достают ночных гуляк своими дерьмовыми перформансами.

Этот примечательный субъект подхрамывает все ближе и закидывает, насколько я поняла, свою больную ногу на нашу лавочку. Стоит отметить, делает он это, предварительно извинившись. Культура!

— Девушка, а можно... я пожелаю вам от всего сердца самого главного? — на секунду замялся. — Чтоб у мужчин, глядя на вас, поднималось настроение... — многозначительная пауза и сальная улыбка на старом лице. — На девяносто градусов.

Платон кривится и брезгливо закрывает лицо руками:

— У вас настроение еще поднимается?

— Конечно! — улыбка психа становится еще шире. — Исправно!

— Поздравляю, а теперь оставьте нас.

Озабоченный дед в очередной раз извиняется, желает хорошего вечера и ковыляет дальше. Интересно, какая предшествующая жизнь привела его к нам в таком экстравагантном амплуа? И куда он теперь? Где его белая женщина?

— Кстати, — Платон возвращается к привычному тону, будто встретить такого дедка на улицах города — плевое дело. — Раз на то пошло, поговорим об искусстве? Что вообще имеет значение в жизни? Только два момента — кайф и смерть. Если последнее — абсолютное ничто, отсутствие всего. Кайф... Я вот очень боюсь лишиться кайфа. Но даже если мне отрубят член, приспособлюсь. Останется эстетическое наслаждение. Кайф от созерцания искусства, который, на мой взгляд, сильнее секса.

Молчу. Но не потому, что нечего ответить. Я выбрала пассивную роль в нашей коммуникации. Я ученица. Я впитываю.

— Ты задумывалась, что искусством занимаются те, кто недоволен жизнью?

— Стремление создать свою субреальность?

— Типа того. Ага. Кстати, приходи в пятницу на показ, я буду комментировать один занятный фильм в арт-простран-

стве. «Святая гора» Ходоровски. И у меня закончилось бухло, Варвара.

Встаю:

— Пошли, куплю еще, я продлеваю тебя.

Но после второй бутылки Платон побрел за третьей, которую купил уже самостоятельно, потом была четвертая... В конце концов, наша прогулка свернулась у двери его подъезда.

Садимся на лавку. Достает сигарету и как-то нервно шепчет:

— Произвожу действие. Действие ради действия.

Я совсем не понимаю его.

— Весь этот наш символический обмен на пиво... Я сам могу купить его себе. Но мне нужна зацепка, стимул побороть брезгливость по отношению к роду человеческому.

— Забавно, что бы ты ни говорил, это не может меня обидеть, — я прикусила губу.

— Это доверие, — заключил Платон.

«Или безразличие» — добавила я про себя.

— Будешь кашку? Давай поднимемся ко мне, поешь и пойдешь домой. У меня есть урбеч и варенье. Это такой маленький предлог не провожать тебя домой с чистой совестью, — предлагает психоаналитик.

— Ничего себе акт гуманизма.

— Ага.

Идея отправиться в гости к пьяному Платону может по-

казаться безрассудной. Но в свете последних событий инстинкт самосохранения упразднен за ненужностью, его место заняло сумасбродное любопытство и попытки заполнить память любыми новыми воспоминаниями.

Я впервые здесь. Квартира Платона встречает чистотой в нездоровой для меня пропорции. Впечатления укрепляются, когда я захожу в кухню и вешаю куртку на спинку стула, а хозяин кривится и возмущенно цедит сквозь зубы:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.